

УДК 821.161.1-1:81'23
DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-2-355-367
EDN WEXZUA

Своеобразие поэтического речемышления Юнны Мориц

¹Зайцева И.П., ^{2,3}Чумак-Жунь И.И.

¹ Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85;

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

chumak@bsuedu.ru

Аннотация. Процесс интеллектуальной деятельности поэта, сопровождающей создание словесно-художественного произведения, изучен в настоящее время явно недостаточно, хотя активное развитие междисциплинарных направлений с ведущим лингвистическим компонентом (в частности – психолингвистики и психопоэтики) позволило довольно существенно продвинуться в исследовании данной проблемы. Анализ поэтических произведений Ю. Мориц, размещённых в авторском блоге поэта под рубрикой «Не для печати», даёт основания утверждать, что интеллектуальная деятельность этого художника слова представляет собой взаимодействие двух разновидностей поэтического речемышления, определяемых как семно-семейный и семный. Эти разновидности исследователи относят к наиболее эвристичным способам осмысления действительности, в результате реализации которых поэтическому тексту придаётся выраженное индивидуально-стилистическое своеобразие, воплощаемое как в выборе, так и в организации речевого материала, а также в создании авторских неологизмов. Проанализированные тексты, включающие окказиональные образования, оригинальные тропы и т. п., убедительно подтверждают эвристичность этих разновидностей поэтического речемышления.

Ключевые слова: речемышление поэта, Юнна Мориц, индивидуально-авторское своеобразие, метафора, десемантизация, окказионализм, оценочные коннотации

Для цитирования: Зайцева И.П., Чумак-Жунь И.И. 2025. Своеобразие поэтического речемышления Юнны Мориц. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 44(2): 355–367. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-2-355-367 EDN: WEXZUA

The Peculiarity of Yunna Moritz's Poetic Speech Thinking

¹Irina P. Zaitseva, ^{2,3}Irina I. Chumak-Zhun

¹ Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskiy Avenue, Vitebsk 210038, Republic of Belarus

² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

³ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklay St, Moscow 117198, Russian Federation

chumak@bsuedu.ru

Abstract. The process of a poet's intellectual activity accompanying the creation of a verbal-artistic work has been studied insufficiently, although the active development of interdisciplinary areas with a leading linguistic component (in particular, psycholinguistics and psychopoetics) has made it possible to make significant progress in the study of this problem. The analysis of Y. Moritz's poetic works posted on her



blog under the rubric 'Not for Press' gives grounds to assert that the intellectual activity of this artist of words is an interaction of two varieties of poetic speech thinking, defined as seme-sememic and seme types. These varieties are regarded by researchers as the most heuristic ways of comprehending reality, as a result of the implementation of which the poetic text is given a pronounced individual stylistic uniqueness, embodied in the choice and organisation of speech material, as well as in the creation of author's neologisms. The analysed texts, including occasional formations, original tropes, etc., convincingly confirm the heuristics of these varieties of poetic speech formation.

Keywords: a poet's speech thinking, Yunna Moritz, individual-authorial originality, metaphor, desemantisation, occasionalism, evaluative connotations

For citation: Zaitseva I.P., Chumak-Zhun I.I. 2025. The Peculiarity of Yunna Moritz's Poetic Speech Thinking. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(2): 355–367 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-2-355-367 EDN: WEXZUA

Введение

В настоящее время очевидно, что литературно-художественные произведения, будучи продуктами одного из видов искусства – искусства словесного, создаются авторами в процессе интеллектуальной деятельности, которая имеет безусловные отличия от мышления, протекающего в иных – не связанных с творчеством – жизненных ситуациях. Эта речемышлительная деятельность, в той или иной мере сопровождающая создание (точнее – *сотворение*) словесно-художественного произведения любой родолитературной и жанровой принадлежности, в наибольшей степени находит выражение в произведениях поэтических (подробнее см. об этом в работах одного из авторов статьи: [Чумак-Жунь, 2024а, 2024б]), что отчасти и обусловило обозначение этого процесса как *поэтического речевого мышления*. «Поэтическое речевое мышление – зафиксированная в тексте творческая интеллектуальная деятельность поэта, связанная с его способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуальной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова» [Алексеева, 2006, с. 296–297].

Своеобразие собственно процесса поэтического речемышления, форм и разновидностей, в которых оно находит воплощение в поэтических произведениях различных авторов, и т. п., в настоящее время изучено явно недостаточно. В существующих на сегодня источниках этот феномен наиболее полно и системно охарактеризован И.Я. Чернухиной в её монографии «Поэтическое речевое мышление» [Чернухина, 1993]. При рассмотрении данного процесса автор опирается на идеи филологов-классиков, заложивших основы современной лингвистической поэтики, в исследованиях которых при установлении своеобразия художественной речи особо акцентирован психологический компонент, — А.А. Потебни, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, В.П. Григорьева. В рамках такого подхода при осмыслении интеллектуальной речемышлительной деятельности поэта с семантико-образных позиций И.Я. Чернухина выделяет три конструктивно-семантических типа такого рода деятельности: *семемный*, *семно-семемный* и *семный*, — отличия между которыми обусловлены, с одной стороны, характером авторского замысла, с другой – мерой индивидуальности в авторской манере. На эту классификацию опирается большинство современных исследований, в которых разноаспектно исследуется феномен поэтического речемышления (см., в частности, процитированную выше работу Е.А. Баженовой); она также положена в основу данного исследования.

Поэтическое речемышление, таким образом, тесно сопряжено с воплощением в создаваемых произведениях особенностей индивидуально-авторской манеры. Семемный тип речемышления, соотносящийся с использованием в поэтической речи общепринятых слов и узуальной грамматики, «обслуживает в первую очередь репродуктивное мышление; семно-семемный и семный типы приспособлены для эвристической речемышлительной

деятельности» (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.) [Алексеева и др., 2006, с. 300]. Эвристичность семно-семемного и семного типов поэтического речемышления обусловлена креативным подходом поэтов к использованию в произведениях богатых возможностей семантической структуры слова, включая актуализацию его всевозможных связей – как на синхроническом, так и на диахроническом уровнях.

Цель данного исследования – выявление приоритетного типа (типов) поэтического речемышления, воплощаемого в стихотворениях Юнны Мориц при осмыслении явления, к сожалению, получившему в современном социуме довольно широкое распространение, – *русофобии*. Резкое неприятие поэтессой этого явления, его однозначное осуждение находит выражение в системе приёмов, индивидуально-авторское своеобразие которых очевидно даже при первичном знакомстве с её поэтическими произведениями на эту тему. С нашей точки зрения, это заслуживает и безусловного исследовательского внимания с учётом приоритетов, особенно важных для нынешнего периода развития общества.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования в данном случае являются стихотворения Юнны Мориц, помещённые в её авторском блоге в рубрике «Не для печати», в которых функционирует обозначение *русофобия* и иные компоненты данного словообразовательного гнезда, включая созданные автором неологизмы (окказиональные образования). Это стихотворения: «Русофобусы (ужасные стихи)», «Русофобские рифмучки», «Вся Россия виновата, что не лезет в гроб живьём...», «Читая суть», «Стональная машина русофобского Запада», «В бою за продажность свою», – которые были созданы и опубликованы автором в период с 2014 по 2024 годы (всего 6 стихотворных произведений).

При проведении исследования использовались такие методы, как контекстологический анализ, выявляющий специфику сочетаемости включённых в поэтический текст лексических единиц, безусловно оказывающую влияние на их значение; компонентный анализ, с помощью которого возможно установить модель окказионального образования; семантико-стилистический анализ, позволяющий выявить своеобразие образно-ценностного осмысления автором функционирующей в стихотворении лексической единицы. В процессе исследования были также использованы отдельные приёмы общепилологических и общелингвистических методов (в частности, статистический анализ и приём интерпретации).

Результаты исследования

Юнну Петровну Мориц (родилась в 1937 году) нередко называют – что видится абсолютно закономерным и справедливым – ныне здравствующим поэтом-классиком. «Пожалуй, это последний из значимых поэтов России двадцатого столетия, продолжающий творить и сегодня. И всегда – наперекор всем», – так начинается статья «Поэт большого стиля» Виктора Бондаренко о творчестве Юнны Мориц. «Вот уж кто не согласится с представлением, господствующим на Западе, что поэзия – это некая игра для ума или развлечения, что поэт – некий специалист, овладевший некой профессией. Нет, **поэзия способна переименовать, переделать, возвысить мир**», – продолжает автор статьи (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.) [Бондаренко..., 2014].

Поэтическое творчество Юнны Мориц, которое читатель, к счастью, имеет возможность воспринимать уже несколько десятилетий, отличается широкий диапазон *жанрово-стилистических* форм: от стихотворений для детей, часть которых, положенные на музыку, стали популярными песнями («Большой секрет для маленькой компании» и др.), до разноплановой медитативной лирики, включая глубоко философские размышления не только о своеобразии внутреннего мира человека, но и о смысле человеческого бытия в принципе, при этом особо – о сути и назначении творчества поэтического и творчества



вообще («Портрет звука», «Когда мы были молодыми...», «Моцарт», «Великих нынче – словно блох в ночлежке...» и мн. др.).

Однако в творчестве поэта (именно *поэта*, хотя Ю. Мориц иронично именуется «поэткой») последнего десятилетия ключевым является *ценностно-образное* осмысление текущих политических событий – в России и за её пределами. Её стихотворения содержат очень точную, подчас нелюбимую, как правило – сатирически заострённую оценку изображаемого, для воплощения которой используются разнообразные изобразительно-выразительные средства и способы. Об основном назначении своей сегодняшней поэзии Юнна Мориц всегда говорит предельно чётко и конкретно – как, к примеру, в одном из своих интервью по поводу написанного в 2020 году стихотворения «Изобрети, Россия, вакцину от недуга...»: *«Собственно говоря, та поэзия, которой я занимаюсь сейчас, она – противостояние от этих вирусов и от этих русофобских микробов. Потому что потрясения, которые произошли в нашей стране, они были направлены на утрату чувства собственного достоинства, достоинства своей культуры, истории, науки, образования, промышленности»* (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.) [Гамов, 2020]. И в этой связи явление русофобии вполне ожидаемо включается поэтом в круг самых позорных пороков современного общества, который лирические герои её произведений полностью и безоговорочно отвергают – именно потому, что чувство собственного достоинства для них одно из самых главных для человека.

Одному из авторов настоящей публикации уже приходилось высказывать ряд соображений по поводу отношения Ю. Мориц к означенному явлению, отражённому в некоторых её стихотворениях [Зайцева, 2024]; однако творчество поэта предоставляет материал для куда более глубокого и разноаспектного его осмысления, в частности – с позиций воплощения в привлекаемых образно-оценочных средствах и способах характера поэтического речемышления.

Предваряя анализ конкретного текстового материала, целесообразно обратить внимание на обозначения рассматриваемого явления, существующие в русском языке, на то место, которое они занимают в языковой системе современного периода, учитывая при этом трансформацию их семантики, получившей отражение в наиболее авторитетных лексикографических источниках.

Так, в «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д.Н. Ушакова, в котором зафиксированы нормы русского литературного языка первой половины XX века (том этого четырёхтомного словаря, интересующий нас в данном случае – третий – выпущен в 1939 году), не включено понятие *русофобия*; однако в этом источнике помещён практически полный его синоним – *русофобство*, ещё два лексических элемента, входящих в соответствующее словообразовательное гнездо: *русофоб* и *русофобский*:

«РУССОФОБ ... (книжн., истор.). Противник политики сближения с Россией; человек, ненавидящий русских, русское; *противоп.* руссофил. ...

РУССОФОБСКИЙ ... (книжн., истор.). *Прил.* к руссофоб.

РУССОФОБСТВО ... (книжн., истор.). Образ мыслей и действий руссофоба» [Толковый словарь ..., 1939, стб. 1408–1409].

Орфографический облик приведённых лексических единиц, как можно убедиться, не во всём совпадает с современным: все из этих лексем словарь первой половины прошлого столетия фиксирует с написанием *-сс-* (в отличие от современного *-с-*). Однако куда более важным видится то, что все помещённые в данный словарь сложные слова с корнями *рус-* и *фоб-* (элементы одного словообразовательного гнезда) трактуются в нём как входящие в *пассивный* запас языка (о чём свидетельствует помета *историческое*, которой снабжено описание значений всех приведённых слов) и как *стилистически ограниченные* функционированием в *книжной* сфере (на это указывает помета *книжное*, также сопровождающая толкование всех перечисленных лексических единиц).

Однако уже в середине прошлого века часть семантических характеристик всех отмеченных лексических единиц была трансформирована: они перестали восприниматься и как входящие в пассивный запас, и как стилистически ограниченные книжной сферой употребления – что, к сожалению, среди прочего, свидетельствует и о явно *повысившейся частотности* использования этих номинаций.

Так, «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (известный как Большой академический словарь – БАС; соответствующий том – двенадцатый – вышел в свет в **1961** году) группу интересующих нас слов трактует следующим образом:

«Русофоб ... Человек, ненавидящий русских и русское (противопол. русофил). *При этом царе Вильгельм II, бывший тогда ещё принцем, держал себя как завзятый русофил. С того времени прошло почти тридцать лет. Из «русофила» вышел яростный русофоб.* Серг.-Ценск. Пушки выдвигают, VI, 6.

– С иным (устар.) напис.: р у с с о ф о б . – Ушак. Толк. слов. 1939»;

«Русофобский ... Относящийся к русофобу и русофобству. *Русофобская политика.*

– С иным (устар.) напис.: р у с с о ф о б с к и й . – Ушак. Толк. слов. 1939»;

«Русофобство ... Образ мыслей и действий русофоба.

– С иным (устар.) напис.: р у с с о ф о б с т в о . – Ушак. Толк. слов. 1939» [Словарь современного..., 1961, стб. 1581].

Таким образом, всего за два десятилетия приведённые лексемы трансформировали часть свойственных им ранее характеристик, не изменив при этом своих значений: они переместились в активную часть языкового запаса из пассивной (помета *историческое*, которой снабжено толкование значений всех этих лексем в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, как и любая другая помета, свидетельствующая об отнесённости слова к пассивному запасу, в БАС отсутствует); точно так же все рассматриваемые единицы языка утратили стилистическую ограниченность, переместившись в состав *общеупотребительной* лексики (об этом свидетельствует отсутствие в БАС пометы *книжное*, сопровождающей толкование всех интересующих нас языковых единиц в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, как и любой другой, указывающей на стилистическую ограниченность слова).

Аналогичную – в плане лексикографического осмысления данных лексических единиц – картину наблюдаем и в толковом словаре, на сегодня самом авторитетном и обширном по охвату вмещённого материала: «Большом академическом словаре русского языка», издание которого в настоящее время ещё продолжается (данный словарь известен так же как БАС-3 (Большой академический словарь третьего издания). Том с интересующими нас словами (*двадцать четвёртый* по счёту) выпущен в **2017** году, то есть более чем через полвека после выхода соответствующего тома БАС; в нём словарные статьи, посвящённые интересующим нас лексемам, практически полностью дублируют информацию БАС – лишь описание номинации *русофоб* дополнено в части иллюстративного материала:

«РУСОФОБ... Человек, ненавидящий русских и русское (противоп. русофил). ... *Я не могу сказать, что он [Гроссман] русофоб, но только большинство русских у него какие-то недоумки.* С. Есин, Марбург. – *Дипломат граф Семён Романович Воронцов десятилетиями жил на Гарлей-стрит, вышел в отставку, но с берегами Темзы не расстался и завещал предать свой прах земле Альбиона. И никто, уверяю вас, никто не клеймил его ни “русофобом”, ни “плохим русским”.* Ю. Давыдов, Жемчужины Филда» [Большой академический..., 2017, с. 114].

Словарные статьи «Русофобский» и «Русофобство» в БАС-3 полностью соответствуют аналогичным фрагментам БАС.

Последний из процитированных словарей, где зафиксированы нормы языка современного периода – первых десятилетий XXI столетия, таким образом, свидетельствует, что в систему *современного* русского языка входят: номинация *русофоб*,

обозначающая 'лицо, которое ненавидит всё русское и русских'; а также два производных от неё образования, созданные суффиксальным способом: абстрактное имя существительное **русофобСТВО**, обозначающее 'образ мыслей и действий русофоба', и имя прилагательное **русофобСкий**, имеющее значение 'относящийся к русофобу и русофобству'.

Освоение русским языком различных вербальных обозначений, связанных с **русофобством** – ненавистью ко всему русскому – продолжается, что, к сожалению, отражает всё большее его распространение в обществе. В «Новом толково-образовательном словаре» Т.Ф. Ефремовой, помимо уже приведённых, зафиксированы также лексемы **русофобия** ('неприязненное отношение ко всему русскому, к самим русским как к чуждому и опасному для представителей иной нации') и **русофобствовать** ('быть русофобом, проявлять русофобство') [Ефремова, 2000], – что свидетельствует о продолжающемся расширении в русском языке словообразовательного гнезда рассматриваемого понятия.

В произведениях Ю. Мориц ожидаемо встречаются некоторые из перечисленных элементов, входящих в систему русского языка – как, к примеру, в стихотворении «В бою за продажность свою» (2021), фрагмент из которого приводится далее:

*Кондитеры теста протеста
В пекарне навральных затей
Замесят протестное тесто,
Где дрожжи российских детей.
Протестное тесто ребёнков,
Чей возраст за гранью суда, –
Стряпня русофобских подонков,
Где Совести нет и стыда.*

***Стряпня их в России проплачена**
Со всех русофобских сторон,
Бабла русофобского складчина –
Свобод русофобских трезвон!*

*Коррупция – это с латыни
Буквально – продажность властей.
Но та же коррупция – свиньи
Борцов за майданство детей! (выделено нами. – И.З., И. Ч.-Ж.) [Мориц, 2001–2021].*

В процитированном тексте *четырежды* употреблено имя прилагательное **русофобский** (в полном тексте оно встречается *пять* раз), контекстуальное осмысление которого заслуживает безусловного внимания. Во всех случаях употребления это прилагательное является элементом-распространителем тропа – *метафоры* либо синкретичного тропеического образования, которое также включает метафоры; ср.: *стряпня русофобских подонков*; *бабла русофобского складчина – свобод русофобских трезвон*. Все метафорические образования отличаются выраженной экспрессивностью, создаваемой в том числе и в результате введения в них явно нелитературных языковых единиц: *стряпня* («**СТРЯПНЯ** ... (разг.). ... 3. *перен.* О чём-н. наскоро, грубо и неискусно сочинённом, придуманном» [Толковый словарь..., 2011, с. 953]); *бабло* (жаргонное обозначение большого количества денег, пришедшее в общий жаргон из уголовного жаргона [Ермакова и др., 1999, с. 5]); *трезвон* («**ТРЕЗВОН** ... 2. *перен.* Пересуды, толки (разг.). ... 3. *перен.* Шум, переполох, скандал (разг.)» [Толковый словарь..., 2011, с. 997]). Помимо этого, данным изобразительно-выразительным средствам присуща очевидная авторская индивидуальность, что позволяет сделать вывод о воплощении в рассматриваемом стихотворении типа поэтического речевого мышления, который определяют как *семно-семейный*.

Этот тип интеллектуальной деятельности поэта, находящий вербальное выражение в создаваемых им произведениях, охарактеризован И.Я. Чернухиной как отличающийся «корреляцией “семема – лексема – представление”, возможной десемантизацией слов, редуцированием семем, приобретением лексемами не свойственных им в общенародном языке семем, появлением парасем» [Чернухина, 1993, с. 51, с. 55]. При этом появление авторских парасем рассматривается как «один из “выходов из положения” при переводе зачина мысли в речь, если “россыпь” сем не может жёстко коррелировать с узальной лексемой» [Чернухина, 1993, с. 53]. При воплощении в словесно-художественной структуре семно-семемного мышления целостный художественный образ возникает не из совмещения простых представлений (как это происходит при семемном типе), а из **«интеграции представлений, в результате чего создаётся не только образ с его семантикой, представлением и эстетикой, но и образный фон, который обладает лишь представлением (слуховым, зрительным, вкусовым и др. Продуктивным способом создания образа в стихотворениях этого типа является метафора»** (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.) [Алексеева и др., 2006, с. 299–300].

Рассмотренное выше осмысление Ю. Мориц имени прилагательного *русофобский* в составе метафор, как представляется, вполне убедительно иллюстрирует особенности данного типа поэтического речемышления, которые подчёркиваются исследователями. Более подробно роль метафоры как воплощения семно-семемного типа интеллектуальной деятельности в поэзии Ю. Мориц рассмотрена в работах одного из авторов настоящей публикации [Зайцева, 2023а, 2023б]; интересные наблюдения по этому поводу содержатся также в статье И.Н. Юдкина-Рипуна [Юдкин-Рипун, 2022].

Однако и в стихотворении «В бою за продажность свою», фрагмент из которого приведён выше, и в ряде других поэтических произведений поэта Юнны Мориц семно-семемный тип поэтического речемышления воплощается в тесном *взаимодействии* с ещё более эвристичным, по мнению исследователей, типом интеллектуальной деятельности автора – *семным*. «С е м н ы й тип поэтического речевого мышления проявляется в конструировании поэтом слов, выражений, фраз, фрагментов текста или целого текста из отдельных сем, в создании новых слов и возбуждении в сознании читателя новых, неизвестных ему до сих пор представлений. Продуктами данного типа речемышления являются **неологизмы, окказионализмы, авторские формы слов, авторский синтаксис, авторская пунктуация, а иногда и орфография**» (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.) [Алексеева и др., 2006, с. 300].

Взаимодействие наиболее эвристичных типов интеллектуальной деятельности создателя поэтического произведения можно наблюдать и в приведённом выше фрагменте стихотворения, где в каждой из строф присутствует созданный автором *окказионализм*: (*в пекарне*) **навральных** (затей) и (*свиньи борцов*) **за майданство** (детей), – каждый из которых включён в состав очевидно индивидуально-авторской метафоры. Такого рода образования не только более «выпукло» представляют заложенное в них содержание, но и априори обладают выраженной экспрессивностью. Имя прилагательное *навральный* образовано приставочно-суффиксальным способом от слова *враль* (оно же – словообразующая основа), которое уже обладает негативными коннотациями («**ВРАЛЬ...** (разг). Лжец, лгун, вздорный болтун» [Толковый словарь..., 2011, с. 117]; в окказиональном образовании выраженность этих характеристик безусловно приобретает более высокую степень. Второй окказионализм – *майданство* – образован от номинации *майдан*, которая в данном случае, несомненно, реализует не исходное значение (‘на Украине, в южных областях России: базар, базарная площадь’ [Толковый словарь..., 2011, с. 424], а сформировавшееся в политическом контексте XXI века после событий на Украине. Произошедшие в этой стране в 2004 и 2014 годах протесты, спровоцированные определёнными силами и приведшие в конце концов к свержению действующей власти, сформировали у номинации *майдан* – преимущественно «с подачи» СМИ – ещё одно



значение: так стали обозначать любые направленные против существующей власти протесты в постсоветских странах, оценивая их однозначно негативно. Именно эту негативную оценочность гиперболизирует в созданном окказиональном образовании поэт, подчёркивая её введением в экспрессивную индивидуально-авторскую метафору, из которой к тому же становится ясно, что речь идёт о вовлечении в протесты детей – эти действия лирический герой считает не меньшим, нежели коррупция, преступлением.

Семный тип поэтического речемышления Ю. Мориц воплощён в целой *системе* окказиональных образований, отражающих её отношение к русофобии как к безусловному и многоликому злу, которое жёстко и решительно отвергается ею во всех его проявлениях. Об этом поэт, формулируя суть своего творчества, всегда заявляет чётко и определённно – ср., в частности, сказанное в одном из интервью: «*Фронт моих работ – в том, что я стою лицом к лицу супротив всего, что творят эти русофобские...*» (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.) [Великанова, 2022].

В систему созданных Ю. Мориц окказиональных образований входят номинации *русофобус* (по значению синонимична обозначению *русофоб*, однако в результате добавления в процессе словообразования непродуктивного суффикса *-УС-*, крайне редко используемого в настоящее время для обозначения лица, обладающего более выраженной экспрессией) и *русофобицина* (объединяет в себе значения двух лексических единиц русского языка – *русофобия* и *русофобство*, однако повышает степень свойственных этим обозначениям коннотаций негативного свойства в результате присоединения к основе *русофоб-* суффикса *-ЩИН(а)*, имена существительные с которым обозначают «бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение», обычно с оттенком неодобрения» [Русская грамматика, 1980, I, с. 177]). Функционально-стилистическая значимость этих окказионализмов более подробно проанализирован на материале нескольких стихотворений в статье одного из авторов настоящей публикации [Зайцева, 2024].

Существенную значимость окказиональных образований рассматриваемого словообразовательного гнезда, как представляется, убедительно демонстрирует стихотворение Ю. Мориц, созданное более 10 лет назад, где авторский неологизм вынесен уже в название произведения:

РУСОФОБУСЫ (ужасные стихи)

*Её «Идиот и самолёт» сбивает самолёты,
военные и пассажирские,
по наводке из Кремля. (Интернет)*

*Контуженные злобой русофобусы,
Враньё которых – скользкий гололёд,
Вопят, что я сбиваю аэробусы
Стихотвореньем «Идиот и самолёт».*

*Такие бреды и такие вопли
Рождают русофобусов круги,
Наевшись мухоморов и конопли
Безумия, долбящего мозга.*

*Пылая русофобским озвереньем,
Способен охунтевший сумасброд
Вообразить, что я стихотвореньем
Сбиваю в небесах воздушный флот!*

*Такой, с ума сошедший, русофобус
Вполне способен с резвостью блохи
Скапуть пассажирский аэробус,
Вину свалив на русские стихи!*

*С прискачкой в русофобусной горячке
Безумцы ждут, что мы сойдём с ума
И вся Россия встанет на карачки,
Покается и влезет в гроб сама!*

*Я – не из тех, кто вынул покаяльник
И, покаянья раскалив паяльник,
В Россию тычет, ей грозит судом!*

Мой Дом – не русофобусов дурдом (25.07.2014) (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.)
[Мориц, 2001–2021].

В приведённом стихотворении, как можно убедиться, функционирует *система* окказиональных образований от основы *русофоб*–: *русофоб* и *русофобы* (последнее употреблено четырежды); *русофобский*; *русофобусный* (всего 7 компонентов). Во-первых, следует обратить внимание на то, что в этом произведении вводится ещё один окказионализм – имя прилагательное *русофобусный*, образованное от основы *русофобус*–, которое пополняет созданную поэтом Ю. Мориц систему авторских неологизмов. Во-вторых, все введённые в текст стихотворения окказионализмы контекстуально осмысливаются в составе тропов и/или стилистических фигур, что, безусловно, позволяет более «выпукло» представить уже имеющуюся в них оценочность. Автор использует для этого такие тропы, как *эпитеты* (*контуженные злобой русофобусы*; *с ума сошедший русофобус*) и *метафоры* (*сумасброд*, *пылая русофобским озвереньем*; *вопли рождают русофобусов круги* и т. п.); стилистическую фигуру *сравнения-антитезы* (*мой Дом – не русофобусов дурдом*), компонентом которого является метафора (*дурдом русофобусов*), что не только придаёт стилистическому приёму *синкретичный* характер, но и значительно повышает его *оценочно-образную* значимость. Таким образом, контекстуальное осмысление авторских неологизмов актуализирует и заключённый в них смысл, и в первую очередь – свойственные этим речевым единицам коннотации. Стоит обратить внимание ещё на одну особенность рассматриваемого произведения: с учётом того, что элементы рассматриваемой системы окказионализмов присутствуют в каждой из строф стихотворения, и, кроме того, один из них вынесен в название произведения, можно утверждать, что эта система выполняет в поэтическом тексте и *композиционную* функцию.

Характер авторского подхода к выбору и организации речевого материала, реализованного в стихотворении «Русофобусы (ужасные стихи)», является, с нашей точки зрения, безусловным подтверждением воплощения в этом произведении двух *взаимодействующих* типов поэтического речемышления художника слова – *семно-семемного* и *семного*. Аналогичный рассмотренному подход к созданию поэтического произведения реализован и в стихотворении «Русофобские рифмучки» (08.08.2021), из которого далее (в связи с ограниченностью объёма публикации) приводится лишь заключительная, третья, строфа:

РУСОФОБСКИЕ РИФМУЧКИ

...

*Русофобские рифмучки получили свой кошмар,
За язык теперь за русский бьют гестаповцы майдана, –
Русофобские рифмучки, в свой шагая Бабий Яр,
Спохватились, огорчились, протестуют, как ни странно:
Почему не торжествуют? – как тогда торжествовали,
Где живём людей сжигали, а **рифмучки** рифмовали,
Масло в пламя подливали, **русофобски** ликовали,
Что в Одессе «русский мир» из горящих прыгал окон,*

А майданицины вампир добивал его жестоко! (выделено нами. – И. З., И. Ч.-Ж.)
[Мориц, 2001–2021].

В приведённом фрагменте трижды употреблён окказионализм **рифмучки** (в полном тексте произведения, включая название, это новообразование употребляется 7 раз), образованный от основы *рифм-* при помощи суффикса *-учк* (одна из точек зрения). Данный суффикс, непродуктивный для современного русского языка, в некоторых случаях используется для образования существительных от глагольных основ, придавая этим новообразованиям сниженный (обычно разговорный) характер – ср., к примеру: *липучка*. В рассматриваемом случае окказионализму присуща функция явно негативной оценки производимого «продукта» – рифмованных текстов русофобской направленности. Данный окказионализм, уже обладающий по определению выраженной оценочной коннотацией, в четырёх из семи случаев введения в поэтический текст, употребляется в сочетании с эпитетом *русофобский*, который и актуализирует семантику определяемого слова, и, несомненно, повышает степень экспрессии всего выражения. Помимо отмеченного окказионализма (*рифмучки*), в стихотворение введён ещё один авторский неологизм анализируемого словообразовательного гнезда, ранее не встречавшийся, – наречие **русофобски**, образованное от прилагательного *русофобский*: **русофобски** (*ликовали*). Экспрессивность этого новообразования дополнительно повышается в результате сопряжения с речевым элементом, резко диссонирующим с ним по присущей коннотативной окраске – глаголом очевидно положительной семантики – *ликовать* («ЛИКОВАТЬ... Торжествовать, восторженно радоваться [Толковый словарь..., 2011, с. 407]).

Анализируя индивидуально-авторскую систему окказионализмов Юнны Мориц, служащих для обозначения русофобии как крайне позорного для нынешнего этапа развития общества явления, нельзя обойти вниманием ещё один, чрезвычайно выразительный, авторский неологизм – **русофобище**. Это новообразование по ряду признаков коррелирует с номинацией **русофобщина**, однако и отличается от этой речевой единицы большей «масштабностью» обозначаемого явления, которая придаётся суффиксом *-ищ*, продуктивным имеющим увеличительное значение и продуктивным для разговорной и художественной речи [Русская грамматика..., 1980, с. 213]. Этот окказионализм во взаимодействии с иными новообразованиями такого типа функционирует, к примеру, в прозаическом фрагменте, предваряющем стихотворение «Санкции – разве они из-за Крыма?..» (25.03.2022), которое помещено в «мгновенике» (созданный Ю. Мориц жанр, в котором она в своём авторском блоге публикует не только собственные произведения, но и комментарии к ним) под названием «Стонательная машина русофобского запада»: «...чтобы взять Россию измором, душисть, истощать, истреблять, – коллективное **русофобище** американщины и европщины превратилось в стонательную машину: ах, как рыдает оно, как страдает коллективное **русофобище**, как жалеет себя, потому что цены растут на западе из-за палаческих, адских, **русофобских** санкций!» (выделено нами. – И.З., И.Ч.-Ж.) [Мориц..., 2001–2021].

Окказионализмы рассматриваемой системы, которая представлена в приведённом фрагменте пятью элементами (*русофобище* – дважды и *русофобский* – трижды), тесно взаимодействуют в тексте с иными авторскими неологизмами, будучи непосредственно с ними в оценочно-образных выражениях: **стонательная машина русофобского запада**; **коллективное русофобище американщины и европщины**. Высокая экспрессивность и выраженная оценочность текстовой структуры, в которой эти словосочетания функционируют, очевидна.

Заключение

Рамки настоящей публикации позволяют рассмотреть лишь некоторые особенности интеллектуальной речемыслительной деятельности поэта Юнны Мориц, нашедшие воплощение в её поэтическом творчестве последнего десятилетия.

Представляется, что проанализированные в статье фрагменты стихотворных произведений убедительно подтверждают мнение психологов о том, что «происходящее в

творческом акте порождение произведения (изведение из себя) напоминает духовный и интеллектуальный тигель, в котором смешиваются, переплавляются внутренние формы слова, образа, действия. В нём “внутренний огонь, пламена то больше, то меньше, то ярче, то приглушённой, то живее, то медленней, обычно переливается в выражение каждой мысли и каждой рвущейся вовне череды восприятий” (Гумбольдт)» [Авдеева и др., 2009, с. 400]. В интеллектуальном «тигле» авторского сознания Ю. Мориц взаимодействуют *два типа* поэтического речемышления, воплощаемое в создаваемых поэтом словесно-художественных произведениях в диапазоне форм, все из которых, при свойственном им разнообразии, наделены явными чертами индивидуально-авторского почерка. Индивидуально-авторское осмысление изображаемого создаёт возможности для передачи в поэтическом тексте оценочности и образности, отражающих своеобразие поэтического мировидения автора с особой глубиной и оригинальностью.

Поэтические произведения, которым присущи качества, характерные для авторской манеры Юнны Мориц, вне всякого сомнения, воспринимаются адресатом-читателем как минимум неравнодушно, что для любого поэта является одной из приоритетных задач.

Список источников

- Авдеева Н.Н. и др. 2009. Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. Москва, Санкт-Петербург, АСТ; Прайм-Еврознак, 811 с.
- Алексеева Л.М. и др. 2006. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва, Флинта-Наука, 696 с.
- Большой академический словарь русского языка. 2017. Т. 24: Розница – Сверяться. Под ред. Д.И. Панкова и др. Москва; Санкт-Петербург, Наука, 670 с.
- Великанова Ю. 2022. Важнейшая часть жизни – поэзия. Юбилей русской поэтессы Юнны Петровны Мориц. Pechorin.net, 01.06.2022. URL: <https://pechorin.net/articles/view/vazhnieishaia-chast-zhizni-poezii-iubilei-russkoi-poetiessy-iunny-petrovny-morits?ysclid=mags81ow2t95570936> (дата обращения: 25.12.2024)
- Владимир Бондаренко о поэзии Юнны Мориц: «поэт Большого Стиля». 2014. Издательство Время, 19.08.2014. URL: <http://books.vremya.ru/main/3839-vladimir-bondarenko-o-poezii-yunny-moric-poet-bolshogo-stilya.html> (дата обращения: 15.12.2024).
- Гамов А. 2020. Юнна Мориц: Изобрети, Россия, вакцину от подлянки, от Беловежской Пуши, от самосдачи в плен! KP.RU, 9.09.2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/217180/4284433/> (дата обращения 25.12.2024).
- Гамов А. 2021. Юнна Мориц: А я не готова к «переговорам», чья суть – два слова: «Сдавайся, рус!». KP.RU, 21.10.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/28346/4492688/> (дата обращения: 23.12.2024).
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. 1999. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. Под общим руководством Р.И. Розинной. Москва, Азбуковник, 273 с.
- Ефремова Т.Ф. 2000. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Москва, Дрофа, Русский язык, 1233 с. URL: <https://efremova.slovaronline.com/articles/%D0%A0-%D0%A0%D0%A3/page-1> (дата обращения: 15.12.2024).
- Мориц Ю. 2001–2021. Авторский блог. URL: <http://www.owl.ru/morits/> (дата обращения: 23.12.2024).
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. 1961. Т. 12: Р. Под ред. В.П. Фелицыной, И.Н. Шмелевой. Москва; Ленинград, Изд-во АН СССР в Ленинграде, 1676 стб.
- Толковый словарь русского языка: т. 1–4. 1939. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3: П–Ряшка. Москва, Советская энциклопедия, 1424 стб.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. 2011. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва, Азбуковник, 1174 с.

Список литературы

- Зайцева И.П. 2023а. Метафора как воплощение семно-семемного типа поэтического речемышления в стихотворении Ю. Мориц. *Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*, 38: 70–74.



- Зайцева И.П. 2023б. Своеобразие индивидуально-авторской метафоры в лирике Юнны Мориц. В кн.: Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка (Владимир, 26–28 сентября 2023 г.). Под ред. М.В. Пименовой. Владимир, Транзит-ИКС: 189–196.
- Зайцева И.П. 2024. «Фронтовая» поэзия Юнны Мориц. *Крылья*, 19: 308–319.
- Русская грамматика: в 2-х тт. 1980. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва, Наука, 783 с.
- Чернухина И.Я. 1993. Поэтическое речевое мышление. Воронеж, Петров. сквер, 188 с.
- Чумак-Жунь И.И. 2024а. Поэтический дискурс: выход в эстетико-эвристическое измерение языка? В кн.: Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей VIII Международного симпозиума (Ялта, 09–13 июня 2024 г.). В 2-х тт. Т. 2. Под ред. Т.В. Аржанцевой, Л.А. Ореховой. Симферополь, Издательский дом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского: 310–315.
- Чумак-Жунь И.И. 2024б. Ценностно-смысловое представление концепта «Поэзия» в русской языковой картине мира. В кн.: Язык как основа национальной идентичности. Материалы международной научной конференции (Тула, 16–18 мая 2024 г.). Под ред. В.М. Мокиенко, В.А. Масловой, Г.В. Токарева, Е.Ю. Ромашиной. Тула, Тульский полиграфист 1: 370–374.
- Юдкин-Рипун И.Н. 2022. Романтическая амбивалентность слова в лирике Юнны. В кн.: Мир романтизма. Памяти Ирины Вячеславовны Карташовой (1931–2019). Статьи и воспоминания. Вып. 20(44). Тверь, Тверской государственный университет: 144–154.

References

- Zaitseva I.P. 2023a. Metaphor as an Embodiment of Seme-Sememe Type of Poetic Speech Thinking in Yu. Morits' Poem. *Uchenye zapiski UO «VGU im. P.M. Masherova»*, 38: 70–74.
- Zaitseva I.P. 2023b. Svoeobrazie individual'no-avtorskoi metafory v lirike Yunny Morits [The Peculiarity of the Individual-Author's Metaphor in the Lyrics of Yunna Moritz]. In: *Yazykovye kategorii i edinit'sy: sintagmaticheskii aspekt* [Language Categories and Units: Syntagmatic Aspect]. Proceedings of the XV International Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Russian Language Department (Vladimir, September 26–28, 2023). Ed. M.V. Pimenova. Vladimir, Publ. Tranzit-IKS: 189–196.
- Zaitseva I.P. 2024. «Frontovaya» poeziya Yunny Morits [“Frontline” poetry of Yunna Moritz]. *Kryl'ya*, 19: 308–319.
- Russkaya grammatika: v 2-kh tt. [Russian grammar: in 2 vol.]. 1980. Vol. I. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Edited by N.Yu. Shvedova. Moscow, Publ. Nauka, 783 p.
- Chernukhina I.Ya. 1993. Poeticheskoe rechevoe myshlenie [Poetic speech thinking]. Voronezh, Publ. Petrov. skver, 188 p.
- Chumak-Zhun' I.I. 2024a. Poeticheskii diskurs: vykhod v estetiko-evristicheskoe izmerenie yazyka [Poetic discourse: an exit to the aesthetic-heuristic dimension of language]? In: *Russkii yazyk v polikul'turnom mire* [Russian language in a multicultural world]. Collection of scientific articles of the VIII International symposium (Yalta, June 9–13, 2024). In 2 vol. Vol. 2. Eds. T.V. Arzhantseva, L.A. Orekhova. Simferopol, Publ. Izdatel'skii dom Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernad'skogo: 310–315.
- Chumak-Zhun' I.I. 2024b. Tsennostno-smyslovoe predstavlenie kontsepta «Poeziya» v russkoi yazykovoi kartine mira [Value-semantic representation of the concept "Poetry" in the Russian linguistic picture of the world]. In: *Yazyk kak osnova natsional'noi identichnosti* [Language as the basis of national identity]. Proceedings of the international scientific conference (Tula, May 16–18, 2024). Eds. V.M. Mokienko, V.A. Maslova, G.V. Tokarev, E.Yu. Romashina. Tula, Publ. Tul'skii poligrafist 1: 370–374.
- Yudkin-Ripun I.N. 2022. Romanticheskaya ambivalentnost' slova v lirike Yunny [Romantic ambivalence of the word in Yunna's lyrics]. In: *Mir romantizma* [The World of Romanticism]. In Memory of Irina Vyacheslavovna Kartashova (1931–2019). Articles and Memories. Issue 20(44). Tver, Publ. Tverskoi gosudarstvennyi universitet: 144–154.



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.02.2025
Поступила после рецензирования 24.02.2025
Принята к публикации 10.06.2025

Received February 07, 2025
Revised February 24, 2025
Accepted June 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых языков, Витебский государственный университета имени П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь.

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina P. Zaitseva, Doctor of Philology, Professor, Head of World Languages Department, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus.

Irina I. Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.